

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Картина Врубеля
«Взлетающий Демон»
долгие годы считалась
утраченной, пока
в поместье княгини
Тенишевой
не произошло жуткое
убийство...

Людмила ГОРЕЛИК

Взлетающий Демон Врубеля

Людмила Львовна Горелик
Взлетающий Демон Врубеля
Серия «Артефакт & Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50535976

Взлетающий Демон Врубеля:

ISBN 978-5-04-109586-4

Аннотация

Художник Врубель всей душой любил поместье Талашкино, где он частенько гостил у меценатки княгини Марии Тенишевой. Именно там он написал свою картину «Взлетающий Демон» и именно там картина была утрачена на долгие годы... Привезшая на экскурсию в Талашкино своих студентов Елена Шварц случайно обнаруживает труп молодого мужчины, во рту у которого газетный лист, свернутый в виде папиросы. Вскоре выясняется, что убитый – реставратор, приехавший восстанавливать храм. Его дедом был известный советский художник Александр Тиунов – выпускник талашкинской школы, открытой для крестьянских детей хозяйкой усадьбы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Людмила Львовна Горелик

Взлетающий

Демон Врубеля

© Горелик Л. Л., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Экскурсия в Талашкино

Как обычно бывает, студенты, вначале с энтузиазмом откликнувшиеся на идею совершить экскурсию в Талашкино, ко времени поездки энтузиазм растеряли. Время было, конечно, не самое удачное. Выбраться сумели только в конце учебного года, перед сессией. В четверг на последнем занятии староста Виталий передал Елене Семеновне окончательный список: поедут девять человек, полгруппы. Хорошо, что она сообразила маленький автобус у проректора просить – так и знала, что не все поедут. Все же для порядка сказала:

– Поначалу четырнадцать записывались.

– Витя и Настя заболели, еще двоим домой съездить пондобилось – пятница, сами понимаете... Да и сессия начинается, «хвосты» у некоторых, – оправдываясь, водил пальцем по списку староста. – Костя Разумов обещал прямо там подойти – он сейчас живет в Талашкине, родители дом купили.

Выехали в начале десятого. Июньские деньки стояли теплые, но не очень жаркие. Утреннее солнце светило ласково. Студенты обменивались шутками, смеялись. У Елены Семеновны тоже улучшилось настроение, она включилась в общий веселый диалог. За окном мелькало Рославльское шоссе, то совершенно голое, с вытянутыми шеями бетонных фо-

нарных столбов, то с чудом сохранившимися большими старыми деревьями по обочинам.

Деревья-то старые, а листва у них молодая, нежно-зеленого цвета.

«Вот и я так!» – подумала Шварц и усмехнулась неожиданному для нее поэтическому сравнению.

Елена Семеновна Шварц женщина трезвомыслящая, к сентиментальности не склонная. По возрасту она давно уже пенсионерка, в университете ведет небольшую почасовку в журналистских группах. Эту подработку она взяла не только ради денег, а скорее потому, что скучала без преподавательской работы. Она привыкла иметь дело с молодежью – всю жизнь в энергоинституте английский вела – поэтому с радостью согласилась поработать один семестр, тем более университет рядом с домом. С журналистами ей понравилось даже больше, чем с технарями. С этими она не об энергоснабжении, а о культуре стала беседы на английском проводить, что было ей интереснее. Тут и выяснилось, что некоторые третьекурсники в Талашкино еще ни разу не съездили. И энергичная Шварц тотчас организовала экскурсию.

Автобус остановился: въезд на территорию музея запрещен. Вправо от шоссе уходила запущенная аллея огромных старых лип. Дорога вела вверх, хотя и не круто. Студенты шли весело, легко, Елена Семеновна тащилась сзади, к концу заметно отстала. Староста Виталий замедлил шаг, пошел рядом с ней.

Вот и памятник Марии Клавдиевне. Эту скульптуру не так давно здесь поставили. Знаменитая меценатка встречает гостей в своем имении.

– Это ведь родовое имение Тенишевых? – спросил Виталий.

– Нет. Муж Марии Клавдиевны купил его в тысяча восемьсот девяносто третьем году у ее подруги детства, Екатерины Святополк-Четвертинской. А вот для Екатерины это имение было родовое – она урожденная Шупинская, им село было даровано в восемнадцатом веке. Однако денег у Екатерины Константиновны на его развитие не хватало. А она многое в селе усовершенствовала – развивала молочное хозяйство, коневодство... Екатерина очень хотела именно Манечке имение продать, так как знала, что при Тенишевых ее начинания не пойдут прахом, будут продолжены на благо общества. Они обе этим отличались – беспокоились и о крестьянах, и о родной земле.

– Значит, Тенишева была богата?

– Скорее не она сама, а ее муж, Вячеслав Николаевич. Он был тоже очень образованный человек. И порядочный. Уравновешивал энтузиазм жены своей деловой трезвостью. Но при всей деловитости меценатство и ему было близко. Про Тенишевское училище в Петербурге слышали? Его дело!

Студенты уже толпились возле дверей школы, пересмеиваясь и толкаясь, и Елена Семеновна, оставив Виталия, ускорила шаг: ей нужно было найти экскурсовода. Экскурсию она

заранее заказала по телефону. Шварц не первый раз возила сюда студентов. Показывали всегда сельскохозяйственную школу, а потом спроектированный художником Малютиным Теремок, где теперь собрана коллекция художественных изделий талашкинских учеников. Храм экскурсанты осматривали сами.

В школьном классе стояли грубо сколоченные парты, керосиновая лампа на столе учителя, учебные пособия столетней давности... На то, что школа не совсем обычная, а сельскохозяйственная и отчасти ремесленная, указывали экспонаты: плуг, какие-то рубанки, швейная машинка, фрукты и овощи из пластмассы.

Экскурсовод предложила устроиться за партами.

«Похожие парты еще и у нас были, когда я в школе училась», – подумала Елена Семеновна, усаживаясь.

– После приобретения Талашкина княгиня почти сразу задумала устроить сельскохозяйственную школу для крестьянских детей, – начала повествование экскурсовод. – Однако в Талашкине это осуществить было трудно: там уже много всего имелось – и молокозавод, и оранжереи, и конезавод... В общем, через год с небольшим Тенишевой удалось присоединить к талашкинскому имению расположенное рядом Фленово. Здесь-то и была основана Талашкинская сельскохозяйственная школа для крестьянских детей. Осенью тысяча восемьсот девяносто шестого года в нее пришли первые ученики...

Глава 2

Савося Тиунов поступает в школу

– Маня, больше нельзя набирать! – Святополк-Четвертинская, раскрасневшая, счастливая, подошла к Тенишевой. – Все места уже заполнены, мы больше не можем взять!

– Да, Киту, – кивнула Мария Тенишева, – подумать только, как изменилось отношение простых людей к школам! Не только не приходится уговаривать, но и мест не хватает – ведут детей целыми семьями.

– Тех сирот я все же записала...

– Да-да, сирот в первую очередь! Их мы берем на полное обеспечение. Некоторые издалека приехали, так рано, чуть не с ночи... Они уже голодные, конечно, а обед не скоро. Я раздаю хотя бы бублики и пряники.

Дети, в большинстве державишиеся поначалу робко, после молебна в здании школы расхрабрились. Некоторые разошлись по территории, оглядывая недавно посаженный яблоневый сад, новые постройки. Полученные от княгини бублики жевались с удовольствием, на ходу.

– Ваше сиятельство, – к Марии Клавдиевне подошла группа маляров. Говорил старший артели.

«Митяем, кажется, его называли», – припомнила княги-

ня.

– Так что работы завершены, поглядите сами, славно как вышло!

Тенишева улыбнулась. Она уже смотрела постройку, работа маляров ей нравилась, и они знали об этом. Теперь, выбрав удачный, по их мнению, момент, эти молодые рабочие явно надеялись получить сверх договора, «на водку». Что ж, пожалуй, заслужили! Мария Клавдиевна открыла сумочку. После положенных благодарностей Митяй, продолжая кланяться, но уже расхрабрившись, попросил, указывая на стоявшего рядом с рабочими пацана:

– Ваше сиятельство, а мальчонку нашего, Савосю, Саишку тоись, не возьмете в школу? У него мать четыре месяца как сгинула – странница была, богомолка, на Ходынке пропала – крестьянка Матрена Тиунова. Погибла, должно. А батяка раньше умер. Способный пацанчик: по дереву резать научился, узоры придумывать может, колер, если надо, сам подберет...

Княгиня посмотрела на мальчика. Лицо шелушится от загара, где кожа облезла – веснушки, и руки загорелые, тоже шелушащиеся – на солнце малярничал. Выцветшие волосы пострижены неровно. На срезах кончики топорщатся – видно, сегодня постригли. Одет бедно, но чисто. Маляры вообще подошли к ней по-праздничному – не в рабочих, заляпанных краской одеждах; готовились, конечно. Митяй и еще двое в сапогах. Что ж, молодцы, так и надо.

Мальчик тоже был в свежей ситцевой рубашке, даже босые ступни довольно чистые. Штаны коротковаты, и видны худые щиколотки, еще не успевшие покрыться пылью... Смотрел он на княгиню смело, но с вопросом, с просьбой даже в глазах. И картуз в руках сжимал слишком сильно, мял его от волнения.

«На вид ему лет девять, – размышляла княгиня. – Взгляд смысленый, и по возрасту подходит».

– Саша, хочешь в школу? – обратилась к мальчику Мария Клавдиевна. – Ты сам-то хочешь?

Ребенок ответил неожиданно смело:

– Да, ваше сиятельство, хочу. Я маляром хочу или столяром стать – чтобы узоры красивые делать. Или, может, краской рисовать...

Княгиня кивнула:

– У нас будет непременно и ремесленное отделение.

Эта мысль только что, в процессе разговора, оформилась у нее в голове, но закрепилась быстро, так как зрела давно. И Мария Клавдиевна уверенно добавила:

– Да, кроме сельскохозяйственных специальностей будем ремеслам обучать: мальчиков – столярному делу, девочек – вышиванию.

«Набор уже закончен, – размышляла она между тем. – Однако мальчишка этот, видно, неплохой, да и, главное, сирота, куда ж он пойдет? Пусть учится пока. Если с малярами этими от заказа к заказу переходить будет, то со-

пнется скоро».

Распрощавшись с довольными малярами и взяв мальчика за руку, она повела его к Китю.

– Нет больше мест, Маня! Если берем его, – она кивнула на Сашу, – надо расширять смету. Впрочем, и без того, с учетом мастерских, первоначальные расчеты придется корректировать. Согласится ли князь?

Китю говорила, как всегда, спокойно. Их дружба, начавшаяся еще в детстве, была гармонична и безмятежна именно потому, что подруги хорошо дополняли друг друга. Сдержанная, обстоятельная Китю уравновешивала яркую, иногда излишне эмоциональную Маню. Именно поэтому да еще памятуя об организационных способностях Святополк-Четвертинской, ее опыте в осуществлении хозяйственных преобразований, проницательный князь предложил Екатерине Константиновне оставаться в Талашкине и совместно с Марией Клавдиевной руководить хозяйством.

– О, не беспокойся! – улыбнулась Маня. – Князь, думаю, не будет возражать, я его уговорю!

Через час Савося Тиунов, наделенный таким же, как у других детей, бубликом, бродил вокруг школы. Он хорошо знал все хозяйственные постройки – и школу, и общежитие со столовой. В общежитии, где теперь он будет жить, он сам кое-что вырезал и красил. Вот этот наличник, например, – его рук дело! Зря дядя Митяй, старший артельщик, ему тогда подзатыльник дал... Савося нарочно покрасил на-

личник краской немного другого оттенка, чем велели, – и красивше вышло, вон как сияет! И Васька, и другие маляры тогда сказали: Митяй, не бей мальчика, и так сойдет, красивше даже вышло – правильно он колер подобрал! А теперь Савося сам здесь жить будет, за этими наличниками – это же для школьников хата, туда вчера кровати заносили... Спасибо дяде Митяю и Ваське, и другим – определили его, не бросили. Мальчику стало немного грустно: привык он уже малярничать с артелью.

– Чего разглядываешь? – услышал он рядом. Мальчишка такого же роста, как он, – чернявый, курносый, в выцветшей ситцевой рубаше, стоял рядом. – Тебя тоже приняли? – он кивнул на Савосин надкусанный бублик.

– А как же! А тебя?

– Меня тоже! Я солдатский сын, меня и взяли. Я только бублик уже съел, а и мне княгиня дала... Добрая... Меня аж из-под Ельни мамка привела! Пошла уже назад, путь неблизкий. Я теперь здесь жить буду. А ты? Почему тебя взяли?

– Я сирота. Мамка на Ходынке сгинула. Я с малярами работал – красить умею, колер подбирать! – Савося принял очень уверенный вид. – Конечно, и я здесь теперь – где же еще?! А я эти наличники красил! – все же не удержался, похвастался он, кивнув на дом. – Меня Сашкой кличут. А можно Савосей. Меня мамка Савосей звала.

– А я Артем Нестерук, Артюшка значит. И еще еды се-

годня дадут! Та барыня, что записывала, сказала: «Не уходи далеко. Скоро будет обед». Накормят, тоись.

Сашка кивнул. Накормят – это хорошо. Хотя он с малярами ел сегодня утром тюрю на квасе и еще не сильно проголодался.

Они вышли на полянку за недавно посаженным яблоневым садом. Дорога вела в Талашкино, к господскому дому. Под березой усатый барин с большим носом увлеченно рисовал на холсте. Холст был закреплен на высокой планке, так, чтобы художнику удобно было дотянуться.

Савося уже видел этого художника, он гостил у княгини. У нее всегда много гостей – ходят по парку, рисуют. Мальчики остановились поодаль, вытянули шеи, чтобы взглянуть на холст, пока барин их не заметил. На холсте было что-то непонятно-зеленое, размалеванное разными оттенками. Художник не красил ровненько, не водил кистью – как в артели маляры делали – а резко бросал кистью краску, опять возвращался к палитре, мешал краски, другим оттенком подмазывал...

Саша вздохнул. Эх, если б ему разрешили хоть раз провести кистью так свободно, мешая оттенки по туго натянутому холсту!

Глава 3

Роковая прогулка

– Если вопросов больше нет, можете пройти к храму, – завершила экскурсовод.

– Простите, а вы не могли бы нас и туда тоже сопроводить? – набралась храбрости Елена Семеновна. – Мы оплатили полную экскурсию!

Ей давно хотелось подробнее узнать о строительстве храма, о его загадочной судьбе. Экскурсоводы обычно, как и сегодня, ограничивались кратким сообщением: «Архитектор Малютин, художник Рерих. Внутренняя роспись, к сожалению, утрачена».

– Ну, – недовольно сказала экскурсовод, – я же все сказала. И про храм тоже. Там только снаружи есть что смотреть. Внутри мы не пускаем – внутри все голо. Крышу, слава богу, в прошлом году починили, а так... Будем восстанавливать фрески, это долгая песня; может, через год-два будет что показать. Сейчас как раз реставратор из Москвы к нам приехал. Храм ведь мало того что разорен, изначально недострой был. Строительство еще не вполне завершили в тысяча девятьсот третьем, когда умер князь. Его тело было в мумифицированном виде привезено из Франции и захоронено в подвальном этаже недостроенного храма.

– Как?! – закричали студенты разноголосым хором. – Прямо-таки в подвале в виде мумии захоронили?! Он и сейчас там?!

– Сейчас нет, – опять пожала плечами экскурсовод. – Сейчас там вообще ничего нет. Тело в двадцать третьем году перезахоронили на кладбище, могила затеряна теперь. А что мумифицировано было тело, это так уж в силу обстоятельств получилось: он умер во Франции; тело мумифицировали, чтобы довезти в Россию. И в таком виде захоронили, в цокольном этаже храма. Красиво княгиня сделала: мумия в прозрачном саркофаге. В подвале и положили. Строительство приостановили еще раньше. А там события девятьсот пятого года, война, революция... Все прахом пошло. А перезахоронили уже после Октябрьской революции крестьяне наши. В общем, нечего особо рассказывать – снаружи можете сами посмотреть.

Выйти из Теремка было не так-то просто: деревянная винтовая лесенка узкая, скрипучая. Спускаться по такой еще труднее, чем подниматься. Елена Семеновна хитро поступила: якобы на тенишевские эмали засмотревшись, всех вперед пропустила, а потом приставными шажками спускалась со ступеньки на ступеньку, держась рукой за хрупкие перильца: еще грохнуться не хватало на глазах у студентов. Они-то быстро сбежали.

Смущенная преподавательница в одиночестве снимала бахилы – тоже не так легко, – но когда вышла за дверь Терем-

ка, обрадовалась: ждут ее, не пошли сами, даже больше студентов стало – действительно этот Костя Разумов пришел!

– Что ж вы к шапочному разбору, – обратилась она к Косте, – уже и экскурсия закончилась. Храм только посмотреть осталось, и все.

– Ничего, Елена Семеновна, – весело ответил тот. – Я больше не для экскурсии, а с ребятами пообщаться. Я в этом музее уже несколько раз был – и в Теремке, и в школе, – мы тут и прошлым летом жили, так я часто сюда приходил.

К храму нужно было подняться на высокий зеленый холм. Шли все вместе.

«Что там белеется на горе зеленой?» – вспомнилось Елене Семеновне.

Храм не белелся, он выделялся яркой росписью. Здесь группа разбрелась: кто-то решил обойти вокруг, другие, почти не задержавшись, начали спускаться, большинство постояли молча, разглядывая знакомую по репродукциям роспись Рериха «Спас Нерукотворный».

– Подождите нас внизу, потом вместе по территории пройдем! – крикнула вслед спускавшимся Елена Семеновна.

К ее удивлению, они опять послушно ждали. Оказалось, хотяг все вместе сфотографироваться возле холма с видом на храм, и чтобы она тоже была. Фотографировали тут многие, однако общий снимок делала Света Фенина, у которой имелся профессиональный большой фотоаппарат: девочка собиралась стать фотожурналистом и накапливала

опыт, публикуя снимки не только в факультетской газете «Аудитория», но и в журнале «Смоленск».

Территория, которую занимает музейный комплекс, довольно большая. Сохранившееся здание сельскохозяйственной школы для крестьянских детей, остатки одичавшего яблоневого сада позади школы, под прямым углом к школе Теремок, справа от него холм, на вершине которого расположен храм. С третьей стороны, за памятником княгине Тенишевой, – дорога к аллее, по которой они сюда пришли. Эта аллея идет к музейному комплексу от Рославльского шоссе. Ну а прямо – небольшая рощица, за ней же, как помнила Шварц, довольно большое, красивое озеро.

– Домой поедем или прогуляемся по территории? – спросила Елена Семеновна.

Студенты опять загалдели, шумно споря. Ну вот все вопросы они решают путем галдежа, демократия у них такая! – усмехнулась про себя преподавательница. Прогуляться, впрочем, захотели все, разногласия были по поводу того, в какую сторону идти – яблоневый сад посмотреть или озеро? Результатом вече стало решение пройтись в сторону озера: яблоки в саду еще не созрели, кислые совсем, маленькие, а смотреть на них что, яблок незрелых они, что ли, не видели?

Решающим оказался голос Кости, он и впрямь все здесь знал, он к озеру и повел. Небольшой, но шумной группой студенты прошли через центральную площадку в сто-

рону рощицы и там стали разбредаться. Елена Семеновна опять шла позади группы, не спеша. Центральная площадка не очень большая, но как здесь красиво! Кусты сирени уже зацветают, деревья сильно разрослись вширь, ветки их, похоже, не обрезают, как сейчас принято в городе, и от этого они так живописно нависают над крохотными елочками, над скамьей у входа в школу, над постриженной травой. Территория была неплохо ухожена, впрочем, здесь сама природа настолько привлекательна, что нужно всего лишь сохранить, не поломать ее вечную красоту. Видно, что сотрудники свой музей любят.

«Только вот посетителей что-то мало: кроме нас, и нет никого», – подумала Шварц.

– А что это экскурсантов совсем нет? – спросил и Виталий. Он опять рядом с Еленой Семеновной оказался. – Хороший же музей! Про князя так интересно, и вообще – как они эти балалайки разрисовывали...

– Не сезон еще, наверно, – пожала плечами Шварц. – И пятница. Думаю, завтра, в субботу, побольше будет народу. Да ведь нам и хорошо, что экскурсантов, кроме нас, нет! Гуляем, никто нам не мешает, не торопит, осмотреть можем все не спеша и не толкаясь.

Они уже входили в рощицу.

«Где еще такую красивую природу увидишь, как в нашем Талашкине?!» – расчувствовалась Елена Семеновна. Студенты, шедшие впереди, то и дело останавливались, углуб-

лялись в боковые аллеи – фотографировались парами, по-одиночке, группками. Света постоянно щелкала своим большим фотоаппаратом: озеро, деревья, сокурсников.

– Елена Семеновна! – позвала она. – Идите сюда, вон под той сиренью вас сфотографирую – хороший снимок выйдет.

Елена Семеновна не очень любила фотографироваться, однако местность располагала. В окружении цветущей сирени может получиться неплохо. Тем более Света, кажется, действительно мастер.

Света Фенина, худенькая высокая девочка с живыми карими глазами на узком лице, выглядела сейчас весьма вдохновенно – ей нравилась работа фотографа.

– Нет-нет, не сюда. С той стороны станьте, чтобы озеро в кадр попало! И голову поверните немного вправо, вон на то дерево смотрите!

Шварц повернула голову в указанном направлении. Дерево, на которое ей велели смотреть, располагалось на небольшом расстоянии. Выглядело оно действительно живописно. Вероятно, оно было очень старое: огромное, с широким, сильно накренившимся стволом, с разлапистыми, полными листьев ветвями. Приглядевшись, Елена Семеновна заметила, что под деревом кто-то сидит. Даже полулежит, прислонившись к стволу. Мужчина – в сдвинутой набекрень кепке, в свободной, расхлябанной позе...

Пока Света, прищурившись в объектив, настраивала фотоаппарат – крутила какие-то колесики, – Шварц разгляды-

вала мужчину под деревом. И он все меньше ей нравился. Как-то странно он сидел. Поза расхлябанная, а не шевелится... Да, абсолютно неподвижен в неудобной позе. Спящий или пьяный лег бы более удобно...

Ужасное предчувствие возникло у Елены Семеновны. И зачем только Света велела ей смотреть в ту сторону! Она сделала робкий шаг по направлению к неестественно развалившейся под деревом фигуре.

– Все, Елена Семеновна! Можете посмотреть, как получилось! – Света шла к ней с фотоаппаратом.

– Да-да, хорошо, спасибо, – она едва взглянула в окошечко фотоаппарата и опять отвернулась к полулежащему мужчине.

– Мне кажется, ему плохо стало, – пробормотала она в ответ на недоумевающий взгляд студентки. И кивнула в сторону дерева. – Он не просто так здесь присел.

Глава 4

Новый ученик Прохор Хамченко

Вот и поворот на Талашкино – кучер Василий сворачивает с Рославльского большака. Ландо, запряженное четверней, плавно катится по гладкому грунту.

«Деревья хорошо разрослись вдоль дороги, – отмечает Маня. – Как я соскучилась!»

Княгиня Тенишева с удовольствием глубоко вдыхает талашкинский воздух – совсем другой, чем в Петербурге. Очень скоро она пройдет по парку, посидит в кресле на балконе своего кабинета... И конечно, школа! Прежде всего она пойдет в школу. Что там, все ли ладно? Она не была в Смоленске почти полгода: муж был так увлечен подготовкой к Парижской выставке, и она тоже была занята. Зимой об отъезде не могло быть и речи, но даже когда появилась возможность, Вячеслав не сразу отпустил ее из Петербурга. А ведь без нее в школе постоянные неурядицы.

Лошади прошли под арочными воротами, слева газон, траву уже скосили. Начинаются любимые места! От газона, кланяясь и приветственно воздев руку, навстречу экипажу шла женщина. Княгиня пригляделась, узнавая: да, жена школьного агронома Завьялова.

– Останови, Василий! – обратилась она к кучеру.

– Здравствуйте, Мария Клавдиевна! Слава богу, приехали! Заждались мы вас, соскучились! – Женщина уже стояла возле ландо. Она сильно запыхалась, но на лице ее сияла радостная улыбка.

Андрей Иванович Завьялов был школьным агрономом – дельным, однако сильно пьющим. Жена тщетно пыталась скрыть этот его недостаток. Да и сама она не нравилась княгине: много льстит, много врет. К тому же Завьяловы постоянно конфликтовали с Панковыми.

Николая Гурьевича Панкова княгиня взяла заведующим школой еще в 1895 году. Сработой, как и Завьялов, он справлялся. Однако учителя постоянно ссорились, и очень напрягали княгиню их жены: они не были приучены к хозяйству, скучали по городу, сплетничали. В общем, несмотря на все усилия княгини, в коллективе сложились дурные отношения. Выписанные княгиней журналы оставались неразрезанными, не читали учителя и книги по специальности, которые княгиня тоже обильно выписывала для школьной библиотеки. За прошедшие годы Тенишева сильно разочаровалась. Учителя оказались другими, нежели она себе представляла; они были не слишком преданы делу, их поступками часто двигали мелкие интересы, зависть. В школе постоянно вспыхивали какие-то скандалы.

А ведь каждой учительской семье она выделила уютную квартиру рядом с ученическим общежитием, небольшой садик. Грядки можно развести, в конце концов...

Жена Завьялова постоянно заискивала перед ней. Вот и сейчас она заговорила быстро, прижав одну руку к груди, а другой ухватившись за поручень ландо, как бы удерживая экипаж.

– Ох, Мария Клавдиевна, как я рада, как рада вашему приезду! А ведь у нас новый ученик! Уж не прогневайтесь – я взяла на свой страх и риск! Мальчик чудесный, сирота! Такая трогательная история с ним произошла, что я уж подумала: княгиня с ее добрым сердцем этого сиротинку непременно взяла бы. Нельзя его отпускать. Ну вот буквально Высший Случай привел его к нам! Представьте, Мария Клавдиевна, что этот мальчик, Проша Хамченко, шел по большаку в Рославль. И увидел на повороте во Фленово надпись на столбе: «Народная школа». Он решил завернуть туда, посмотреть на школу: очень уж он учиться мечтал. Мы, конечно, обогрели, обласкали сироту. Все учителя пришли в умиление от его ума и развития! И решились оставить его пансионером, надеясь на вашу доброту. Когда вы увидите этого ребенка, вы сами придете в восторг, не сомневаюсь!

– Ну, не выгонять же мальчика, раз уж учится... – вздохнула княгиня. – Я скоро подойду в школу... Трогай, Василий!

Дома она намеревалась пробыть недолго. Хотела отпра-виться в школу, не дожидаясь обеда. Попросила горничную Лизу принести чаю с бубликом.

– Мария Клавдиевна, а обедать разве не будете? – забес-

покоилась горничная. Да вы ведь и не переоделись даже!

Лиза служила у княгини еще со времен ее первого, неудачного замужества; они прекрасно ладили, у них были доверительные отношения. Лиза иногда позволяла себе даже крикливо говорить княгине:

– Как вы одеваетесь! Все в одном ходите. Совсем за собой не следите – вам бы только рисовать или школу благоустраивать. Нет бы каждый день новое платье надевать, наряжаться... Другая бы на вашем месте только и знала, что наряжалась и драгоценности меняла!

Княгиня в ответ посмеивалась. Она знала, что Лиза ее любит искренне, а разговоры такие позволяет себе с ней, любя ее. Вот и сейчас Лиза была ею недовольна. Что ж, княгиня в этот раз к ее голосу прислушалась и осталась обещать.

До школы от господского дома не более версты. Она отправилась туда сразу после обеда в двуколке, запряженной одной лошастью. Фленово так удачно примыкает к Талашикину, огибая его с трех сторон! Долго она добивалась этого клочка земли, и все ж сумела его присоединить почти десять лет назад. Идеальное место для школы!

Встречать ее вышел один Панков. Он только что вернулся с пасеки вместе с группой учеников: после уроков летом предусматривалась сельскохозяйственная практика. Княгиня устроила все так, чтобы труд учеников не использовался на барских работах – это должно быть делом наня-

тых рабочих. А для школьников были специальные учебные места – в поле, в мастерских.

Завьялов и другие учителя вместе с учениками находились сейчас кто в саду, кто в поле. При школе имелся сад, огород, учебная пасека. В прошлом году княгиня расширила учебные профили, организовав и мастерские. Они находились подальше, в Талашкине. Приглашенный по совету Врубеля Малютин увлек школьников резьбой по дереву, столлярным делом. Девочек обучали вышиванию. Школьники были заняты круглый год. Они получали профессии, дающие возможность неплохо, по крестьянским меркам, зарабатывать.

– Что этот новый мальчик – сирота, которого взяли без меня? – спросила княгиня у Панкова. – Завьялова говорит – мол, способный.

Заведующий усмехнулся:

– Это Прошка Хамченко? Способный-то он способный... Где ж ему не быть способному, когда он старше других учеников намного. Завьялова пристала, как репей: «Возьмем да возьмем». Получила она от него что-то, помяните мое слово, не просто так хлопочет. Ну, учителя-то им довольны – схватывает на лету. Как вы прикажете? Оставлять его? Да вон он идет! Выше всех, верста коломенская. Можете сами поговорить.

Из роищицы вышла небольшая группа школьников с тямками в руках. Они сняли картузы и прошли мимо, улыбаясь,

кланяясь и громко здороваясь с княгиней. Княгиня кивала, внимательно глядя на Хамченко. Под картузом «мальчик» оказался рыжим. Мордатая красная физиономия, настороженный взгляд. Да какой же он ребенок, ему под двадцать, женить пора!

Княгиня вздохнула, по-прежнему разглядывая нового ученика, их недоверчивые взгляды скрестились. Сама бы она такого великовозрастного вряд ли оставила. Однако намек Панкова на полученную Завьяловой взятку был ей крайне неприятен: нехорошие нравы в школе, вот и доносы пошли... Нет, она не будет принимать наговор в расчет, доношительство необходимо искоренять! И вообще...

«Ну, поскольку уже взяли – пусть учится», – решила она.

Глава 5

Неожиданные встречи

Первоначальное любопытство и ужас постепенно улеглись, уступив место скуке и нетерпению, а допрос все длился. Студенты уже глотнули адреналин происшествия, успели остыть от него и теперь хотели только побыстрее уехать из Талашкина, тем более что водитель университетского микроавтобуса заявил, что никого не будет дожидаться, и уехал в гордом одиночестве ровно в 16.30.

Он не подвергался допросу, поскольку ждал студентов в машине на шоссе и не был на месте обнаружения трупа. В 17.00 у него кончался рабочий день, он решил, что имеет право уехать.

Шварц не смогла его задержать, это ее расстраивало. Автобус из Талашкина ходит часто, но все ж Елене Семеновне не хотелось заставлять студентов добираться до города поздно вечером. Эта легкомысленная молодежь может и на попутку сесть, а ведь она за них отвечает.

Вокруг дерева с полулежащей неподвижной фигурой уже собралось довольно много народа: жители поселка, врач и несколько полицейских, местный участковый Анисин – немолодой, расстроженный происшествием мужчина, а также группа из убойного отдела, по вызову приехавшая из горо-

да. Первым появился, конечно, Анисин. Оказалось, что он ловил рыбу здесь же, на озере, недалеко от места происшествия, поэтому пришел очень быстро: кто-то из местных позвонил ему по мобильному. Он был с приятелем, приехавшим из города на рыбную ловлю.

Каково же было удивление Шварц, когда она узнала во втором рыболове давнего своего знакомого – пенсионера, а в прошлом милиционера Порфирия Петровича Потапова.

Пока шло разбирательство, Потапов скромно стоял в толпе зевак. С Еленой Семеновной они друг другу только кивнули – Шварц была подавлена неожиданно драматическим завершением рядовой экскурсии. О Потапове она быстро забыла: она ожидала допроса и волновалась за студентов.

Именно Шварц указала на труп Свете Фениной. Остальные студенты прибежали на Светин крик. Мужчина полулежал под деревом: молодой, одет прилично, только кепка как-то странно, набекрень сидит. Поза неестественная: одна рука в карман засунута, что в положении полулежа неудобно. Что это именно смерть и не по естественным причинам она произошла, стало ясно, как только они увидели лицо потерпевшего. Глаза выпучены, как бывает после удушения, а во рту маленькая трубочка, свернутая из газеты. Это что, кляп такой странный, что ли? Ни Елена Семеновна, ни студенты ничего не трогали: она им сразу же объяснила, что нельзя.

Все это Елена Семеновна рассказала Анисину и еще одному полицейскому, который из Смоленска приехал, – май-

ору Демину. Студентов опросили раньше, они мало что могли сказать, но в целом показания сходились.

После допроса Шварц отошла в сторону, огляделась: люди все еще толпились, чего-то ожидая, однако студенты все ушли, кроме Кости.

«Ах да, он же здесь живет», – подумала она.

Вдруг кто-то тронул ее за плечо:

– Леля, как ты тут оказалась?!

Елена Семеновна повернула голову и увидела Милу.

С Милой они когда-то вместе учились на факультете иностранных языков Смоленского пединститута. Давненько это было, однако... Поскольку обе остались работать в вузах Смоленска, и потом встречались часто, дружили. Людмила Сергеевна несколько лет назад вышла на пенсию.

«У ее сына дача в Талашкино...» – вспомнила Шварц и спросила:

– А ты, наверно, у сына была? Сегодня домой собираешься? Вместе бы поехали...

Мила немного смутилась.

– Сын-то не здесь, он в Смоленске, работает, а я на даче с младшим внуком уже три дня. Я и не собиралась ехать, с ним невестка должна была здесь жить. Но у нее тоже образовалась срочная работа, и попросили меня. Неожиданно получилось, поэтому я тебе еще не успела позвонить. Сегодня, кстати, собиралась – хочу пригласить тебя пожить здесь несколько дней со мной.

В процессе разговора Леля не то чтобы забыла про труп, но тема ее увлекла. Дачу эту сын Милочки, Володя, купил недорого два года назад, и Леля была об этой покупке наслышана. Это был обычный деревенский дом, без удобств. Мила давно звала пожить там вдвоем – сын редко приезжал. Но Елена Семеновна не слишком любила спокойную сельскую жизнь, ей не надоедал шум города.

– Елена Семеновна, – кто-то тронул ее за плечо. Она повернулась – это Костя Разумов подошел.

– Елена Семеновна, ребята уже разошлись – на рейсовом поехали.

– Да, я поняла и сама. Меня не подождали... Ну ладно, я надеюсь, нормально доберутся, люди взрослые. Вот какая у нас неудачная экскурсия получилась, Костя! А вас допросили уже? Хотя что вы могли сказать, вы к концу уже подошли, почти одновременно с полицией.

Костя действительно что-то показывал ребятам возле самого озера и подошел к найденному преподавательницей телу одним из последних.

Костя усмехнулся.

– Я как раз сказал. Я этого убитого знаю.

Тут Елена Семеновна спохватилась. И правда, что с ней случилось сегодня? Она себя не узнавала. Обычная живость и сообразительность оставили ее – наверно, потому что над всеми чувствами преобладало чувство ответственности за студентов. Полдня стоит возле тела, а даже не подумала –

кто же это...

– И кто же это? – спросила она заинтересованно.

– Реставратор из Москвы. Он приехал сюда храм реставрировать четыре дня назад. Я с ним знаком, общались, когда он приезжал, еще в прошлом году. Его звали Александр Леонидович, Саша. Интересный был человек... Жаль его. А вы сегодня в Смоленск поедете или заночуете здесь? Я могу устроить, если надо. Мы тут живем, родители недалеко от шоссе коттедж в прошлом году купили – ну, дача это у нас теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.